

**АССОЦИАТИВНОЕ ТЕКСТОВОЕ ПОЛЕ
ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДИОГЛОССЫ «КОНЬ-ИНОХОДЕЦ»
В ПОВЕСТИ «ПРОЩАЙ, ГУЛЬСАРЫ!» Ч. АЙТМАТОВА**

К.Э. Касымалиева

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10-2а, Москва, Россия, 117198
kaira_17@mail.ru

Центральным понятием статьи является этнокультурная идиоглосса «конь-иноходец», с помощью которой предпринимается попытка реконструкции текстового ассоциативного поля как части авторской картины мира. Материалом такой реконструкции является повесть Ч. Айтматова «Прощай, Гульсары!».

Ключевые слова: этнокультурная идиоглосса, авторская картина мира, ассоциативное текстовое поле

ВВЕДЕНИЕ

Мы принимаем термин «идиоглосса» вслед за Ю.Н. Карауловым и Е.Л. Гинзбургом, которые вкладывают в понятие *идиоглосса* «комплексный смысл, складывающийся из того, что эти единицы, во-первых, — отражение главных мирообразующих, мироформирующих идей автора, и, во-вторых, что они служат концентрированным выражением специфики языка и стиля. В семиотическом аспекте идиоглосса — это слово-знак, но необычный, а знак второго порядка, поскольку его содержанием является не столько семантическая составляющая, сколько мироформирующая стилевая функция строительного элемента в картине мира автора. Идиоглосса в широком смысле — это ключевое слово, единица текста, но одновременно это и обязательная единица индивидуального авторского лексикона, заряженная потенцией раскрыть читателю не только то, *какой мир* воссоздает автор, но и то, *как он это делает*» [5. С. 896].

В нашем исследовании мы вводим термин «этнокультурная идиоглосса», опираясь на понятие этнокультуры: «Этнокультура — это способ мироощущения, мышления и поведения определенной культуры. Национально-культурная специфика языковых единиц, или *этнокультурный смысл*, представляет собой имплицитное значение языковой единицы. Это скрытая категория, производная от прототипического культурозначимого контекста, имеющая мыслительный коррелят в национальной концептосфере и реализующая ментально-психический феномен *этнуса* — наиболее характерные черты национальной ментальности. Тексты как единицы языка несут скрытые доминантные смыслы, присущие той или иной культуре и этносу и восходящие к прототипу, который определяет пути развития смысловых признаков. Смыслы считаются этнокультурными, если посредством данных смыслов одна культура отличается от другой» [4. С. 227].

**АВТОРСКАЯ КАРТИНА МИРА Ч. АЙТМАТОВА
В ПОВЕСТИ «ПРОЩАЙ, ГУЛЬСАРЫ!»**

В повести Ч. Айтматова «Прощай, Гульсары!» основополагающей в авторской картине мира, своеобразным центром, вокруг которого формируются тек-

стовые ассоциативные поля, позволяющие более полно представить авторское мировидение, выступает этнокультурная идиоглосса «**конь-иноходец**». Она занимает центральную позицию в тексте, являясь наиболее частотной, сравните: *Гульсары* — 218; *иноходец* — 228; *конь* — 132.

Обратимся к толкованиям значения данной лексемы в авторитетных нормативных словарях русского языка:

Таблица 1

Словарные значения **ИНОХОДЕЦ, ИНОХОДЬ**

С. И. Ожегов. Толковый словарь русского языка	Д. Ушаков. Толковый словарь русско- го языка	Словарь русского языка в 4-х тт.
<p>иноходец, -дца, м., лошадь, которая бежит иноходью;</p> <p>иноходь, -и, ж., способ бега лошади (или другого животного), при котором одновременно выносятся вперед или обе правые ноги, или обе левые</p>	<p>лошадь, которая бежит иноходью</p>	<p>лошадь, которая бежит иноходью</p>

Очевидно, что словарные статьи содержат лишь общее значение слова, не раскрывая его этнокультурного идиосмысла.

Лексема *иноходец* (а это и есть *Гульсары*) в контексте повести Ч. Айтматова «Прощай, Гульсары!» — этнокультурная идиоглосса, в определенной степени маркирующая кыргызскую культуру в целом. Лексема имеет в составе два корня *гуль* — ‘цветок’ и *сары* — ‘желтый’ (‘желтый цветок’).

В кыргызской культуре имя коню, как правило, дается по его масти или экстерьеру, например, *сары ала* — ‘буланый’, *тору* — ‘гнедой’, *жээрде* — ‘рыжий’, *кашка* — ‘с белой отметиной на лбу’.

Автор показывает последовательное превращение коня-иноходца из «буланого жеребчика» в «захудалую клячу», учитывая национальные особенности кыргызской культуры. Выявить иноходца из целого табуна в раннем возрасте могли только опытные табунщики; в повести опытным табунщиком предстает Торгой, который по видимым только ему признакам, распознает в жеребце будущего иноходца:

— Вот тот буланый жеребчик, что с правого края пасется. Далеко пойдет.

— Это который — тот, круглый как мяч? Что-то мелковат с виду, поясница короткая.

— А что в нем? Чем хорош?

— Иноходец от роду.

— Ну и что?

Таких мало встречал. В прежние времена ему цены не было бы. За такого в драках на скачке головы клали» [1. С. 118—119].

И далее: (подстегиваемый голосами людей конь проявляет себя в беге) «...голоса их словно бы подстегивали жеребчика. Он все убыстрял и убыстрял бег, почти без напряжения, без единого сбоя на скачь, шел ровно, как в полете».

Конь-иноходец требует к себе особого отношения, по словам Торгоя, только при правильном подходе из него вырастет хороший иноходец:

— Буланого пока не тронь. Никому не доверяй. Весной сам объезжай его. Да смотри осторожней, Как пойдет под седлом, сильно не гони. Задержашь, собьется с иноходи, испортишь коня. Да смотри, чтобы в первые дни не опился сгоряча. Вода на ноги упадет, мокрецы пойдут...» [1. С. 120].

— Не сглазь. И прежде времени не болтай. На хорошего иноходца, как на красивую девуку, охотников много... [1. С. 119].

О внешности иноходца Ч. Айтматов пишет так:

«Из мохнатого кургузого полуторалетки он превращался в стройного, крепкого жеребчика. Он вытянулся, корпус его, утратив мягкие линии, принимал уже вид треугольника — широкая грудь и узкий зад. Голова его тоже стала как у истинного иноходца — сухая, горбоносая, с широко расставленными глазами и подобранными, упругими губами...» [1. С. 123].

Перейдем к рассмотрению смежной идиоглоссы *конь*, которая встречается в тексте 132 раза. Слово само по себе нейтрально и используется в любой культуре. Особая значимость слова конь для кыргызской культуры очевидна, поскольку жизнь кочевника основана на постоянном движении и перемещении. Человек-кочевник так организовал свое бытие, что, передвигаясь, он одновременно остается неподвижным. Одно из проявлений уникальности кочевых народов заключается в том, что они выбрали таких животных, которые не только перемещали их в пространстве, но и были для кочевника «волшебным сундуком», из которого можно было извлекать все необходимое для жизни: молоко и мясо идут в пищу; из шерсти изготавливают не только пряжу для одежды, но и войлок, кошму, которыми покрывают юрту — он удерживает прохладу в жаркий день и тепло в холодный день, а в дождливый день не пропускает воду, например:

Кошм для юрт в колхозе тоже не было.

— Хорошо, дайте шерсти, мы сами свалеем кошмы, — просил Танабай. Как он (Танабай) мог не видеть в юрте удивительное изобретение своего народа, где каждая мельчайшая деталь была выверена вековым опытом поколений?...

— Нет-нет! — отказывалась Джайдар. — Как хочешь, а в палатку я жить не пойду.

...Мы с семьей, у нас дети. Купать их надо, воспитывать, нет, не пойду... [1. С. 170].

Также для внутреннего обустройства юрты делали различные ковровые изделия, такие, как *шырдаки* ('разноцветный орнаментированный войлок'), *алакийизи* ('кошма'), которыми устилали земляной пол юрты. Из шкуры выделывали кожу и изготавливали различные предметы бытового назначения, например, из козьих шкур шили теплые *бостеки* — 'подстилки для сидения на полу':

Джайдар стелила для гостей новую кошму, а на кошму бостек из козьих шкур — специальный полог для сидения на полу [1. С. 159].

Из конских волос и овечьей шерсти плели арканы, веревки. Арканы из конского волоса были настолько крепки, что служили не один десяток лет. Для при-

ручения лошадей пользовались и пользуются именно **волосняным арканом**, т.к. кони — сильные животные и могут оборвать любую веревку:

*...Иноходец вскинулся на дыбы, заржал негодуя и яростно, заметался, взбрыкивая задом, и, весь напрягшись, чтобы сбросить с себя все, что давило его, ринулся в сторону, но **аркан**, конец которого держал под стремнем другой человек, на другом верховом коне, не пустил его... [1. С. 126].*

Кизяк, утрамбованный овечий навоз используется как печное топливо. Ч. Айтматов в повести сравнивает кизяк с золотом:

«жар овечьего кизяка приятен и чист, как золото, им и обогреваются чабаны в зимние холода...» [1. С. 198].

Следует отметить, что в кыргызской культуре конь (в ряду с другими животными) занимает особое место. Благодаря верховой езде меняется пространственное мироощущение кочевников, осваиваются новые территории, устанавливаются связи с другими народами. Для кыргыза-кочевника конь — не просто животное для передвижения, а животное-посредник, объединяющее человека с миром Природы, Космоса и Вселенной.

С давних времен кыргызы отводят большое место народным играм и развлечениям, без них не проходило ни одно народное гуляние. Самыми любимыми и почитаемыми остаются традиционные конные игры. Причем характер многих из них полностью подчинился кочевому образу жизни и требовал большой отваги, ловкости, смелости и готовности к решительным действиям, поэтому именно конные состязания и игры являются азартными и востребованными среди других игр. Многие конные игры дошли до наших дней и имеют статус национального вида спорта Кыргызской Республики, среди них: *Ат чабыш* или *Аламан-байге*, *Тыйын энмей* ('поднятие монет на скаку'), *Кок-бору* ('козлодранье'); *Кыз-куумай* ('догони девушку'); *Оодарыш* ('стаскивание с седла'), а также *Жорго салыш* ('бег иноходцев') — одна из излюбленных конноспортивных забав у кыргызов¹.

Кульминацией повести как и являются конные состязания и игры **Бег иноходца** и **Козлодранье**. Неслучайно Ч. Айтматов очень скрупулезно до мельчайших деталей описывает ход состязаний и бег иноходца, сочетая национально-культурные обрядовые традиции и спортивные функции игры и называя это «апофеозом состязания» [1. С. 144]. Многие конные игры принято устраивать во время разнообразных торжеств, таких как *свадьба*, *рождение детей*, *национальные праздники*. В повести конные игры и состязания устраивались на день Первое мая в честь трудящихся, сравните:

*— Просите у народа благословение! — торжественно провозгласил главный распорядитель игр... **Оомин!** — сотни рук поднялись ко лбам и опустились ладонями по лицам, как стекающие потоки вод...*

¹ В 2014 г. впервые в Кыргызстане на побережье озера Иссык-Куль в г. Чолпон-Ата были проведены *I Всемирные игры кочевников*. В них участвовали сборные команды Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана, Турции, Монголии, Российской Федерации, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана. В программу *I Всемирных игр кочевников* были включены такие игры, как *Кок-бору*, *Жорго-салыш*, *Кунан чабыш*, *Кыз-куумай*, *Тыйын энмей*. Любовь к этим животным породил танец «Кара-жорго» — черный иноходец, который пользуется большой популярностью в Кыргызстане.

*Тем временем начались игры на кругу — борьба пеших и конных, **стаскивание с седел, поднятие монет на скаку и другие состязания**. Все это было только вступлением, главное начнется там, куда ускакали всадники [1. С. 140].*

И далее:

*Исчезла вдруг власть удил и поводыев, не стало для Гульсары ни седла, ни всадника — **в нем бушевал огненный дух бега** [1. С.142].*

Конь занимал и занимает не только видное место в материальной культуре, но и в духовной жизни кыргызов. О неком внутреннем родстве кочевников с конем, об обожествлении этого прекрасного и гордого животного пишет известный культуролог Г. Гачев «Полная зависимость кочевника от стада и дает ощущение внутреннего родства с животными. Отсюда обожествление животных, особенно коня. С ним он образует единое существо кентавра. Мудрость кентавра есть не что иное, как чувственный образ мудрости общественного человека, который поставил между собой и природой посредника. Кочевник на коне отделен от земли, но приближен к небу» [2. С. 124—157]. Конь-иноходец у Айтматова «*Не конь, а дулдул*», то есть сказочный скакун.

АССОЦИАТИВНО-ТЕКСТОВОЕ ПОЛЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДИОГЛОССЫ «КОНЬ-ИНОХОДЕЦ»

Этнокультурная идиоглосса **конь-иноходец** в повести является центральной, формирующей ассоциативное текстовое поле. Попытаемся при помощи этнокультурной идиоглоссы **иноходец** смоделировать текстовое ассоциативное поле и раскрыть авторскую картину мира Ч. Айтматова. Текстовое ассоциативное поле этнокультурной идиоглоссы **конь-иноходец** в авторской картине мира Ч. Айтматова представлено аттракторами: **бег, игра, женщина, неволя, разлука**. Перейдем к рассмотрению аттракторов.

Аттрактор **бег** притягивает к себе слова-ассоциаты, характеризующие **скорость, темперамент (характер бега), время**.

Слова-ассоциаты, характеризующие скорость бега: **комета, реактивный самолет, полет**, сравните:

*Увлекая за собой своих сверстников, он носился среди них **желтой кометой**.*

*Пыль из-под его копыт прочерчивала степь белым бегучим следом в безветренную погоду нависала над дорогой, **как дым реактивного самолета**.*

*Он (Гульсары) выскочил на бугор, точно бы на гребень большой волны, и на какое-то мгновение, **словно завис в полете**, невесомый.*

Слова-ассоциаты, характеризующие темперамент иноходца (характер бега): **иноходь, страсть, огненный дух**:

*...а он **рвался вперед, четко печатая по дорогам дробный перестук иноходи**....*

*Только один Гульсары не умевший скакать галопом шел **иноходью**. В этом была и слабость его и сила.*

*Пустил коня свои ходом, тот настоялся за день и шел теперь размашистой прочной **иноходью**.*

*Одна лишь **страсть** владела им пока. Доставляя хозяину немалые хлопоты, — **страсть к бегу**.*

*В нем все еще жила прежняя **страсть** — бежать, бежать, бежать.*

*Из всего прежнего осталось у него лишь одна **страсть к бегу**.*

*Ему (Гульсары) казалось, что в него **вселился какой-то огненный дух**, и, чтобы от него освободиться, надо скорее вырваться в круг и понестись.*

*Исчезла вдруг власть удил и поводьев, не стало для Гульсары ни седла, ни всадника — в нем **бушевал огненный дух бега**.*

Слова-ассоциаты **бега**, характеризующие время:

*Танабай грустно улыбнулся, вспомнив, как по этой же самой дороге **мчался** в свое время Гульсары и пыль стелилась за ним хвостом.*

*Думал так старик Танабай и грустил, что время промчалось, **как бег иноходца**.*

*Годы, годы, годы, **как бег иноходца**.*

Следующий аттрактор этнокультурной идиоглоссы *иноходец* — **игра**. В повести игра представлена живо, с яркими описаниями национально-культурного колорита. Аттрактор **игра** притягивает слова-ассоциаты **аламан-байге**, **славу**. **Аламан-байге** означает ‘большие скачки’, в которых участвуют лошади любых возрастов. В повести описание игры **Кок-бору** (‘козлодрание’) идиоглосса **аламан-байге** встречается 9 раз. Приведем примеры из текста:

***Аламан-байге** ждали все, ибо это апофеоз состязания, к тому же любой всадник имеет право принять в ней участие... [1. С. 144].*

Ассоциативное поле **игра** пополняется словом-ассоциатом **слава**, который в отрывке описании игры встречается 6 раз:

В этот раз, уже окруженный ореолом славы, он стал самой сильной фигурой в игре [1. С. 144].

Ч. Айтматов по-особенному раскрывает образ женщины (Бюбюджан) через мысли иноходца, используя при ее описании ряд метафор, тем самым образуя ассоциативно-метафорическое микрополе **женщина**. В тексте с аттрактором **женщина** связаны слова-ассоциаты — **руки** (5), **глаза** (4), **запах** (3), сравните:

*Ни у кого из людей не было таких ласковых рук. Это были удивительные руки, **упругие и чуткие, как губы той маленькой гнедой кобылицы со звездой на лбу**. (...) и глаза ее **переливались светом и тенью, как камни на дне быстрого ручья в лунную ночь**» [1. С. 136].*

*(...) смотрела на них сияющими, **как камни в быстром солнечном водоеме, глазами**» [1. С. 143].*

*Глаза ее вспыхнули и погасли, **как камни на дне освещенного луной водоема** [1. С. 150].*

*(...) (Гульсары) улавливал даже своим тонким нюхом **какой-то странный, диковинный запах незнакомой травы, исходящий от нее. То была гвоздика**» [1. С. 137].*

Следующим по важности для сюжетной линии следует аттрактор **неволя**, который притягивает к себе этнокультурные идиоглоссы **укурук** (‘длинная палка с петлей для ловли лошадей’) — 10; **кишен** (‘железные путы’) — 19; **аркан** (‘веревка’) — 12:

***Укуроком** ловили верховых лошадей, дойных кобыл и прочих, но только не его. Он был вольный. И вдруг волосая петля скользнула по его голове и повисла на шее [1. С. 124].*

Снимали **кишен** с ног Гутьсары всей семьей. Джайдар держала под уздцы, прикрывала иноходцу глаза, а Танабай пытался подобрать отмычку к замку [1. С. 168].

Застонал, замычал Гутьсары, все еще пытаясь высвободиться из этой мертвой хватки **аркана**... [1. С. 174].

Аттрактор **разлука-боль** ассоциируется в повести с такими словами, как: **слезы, утратил, унес, осиротел, прощание**, например:

Он плакал от стыда и горя, он знал, что **утратил** счастье (разлука с женщиной), которое выдалось ему последний раз в жизни [1. С. 155].

Осиротел табун. Осиротела душа. **Унес** иноходец вместе с собой и ее. Все унес. И солнце не то, и небо не то, и сам вроде не тот... [1. С. 164].

Опять он вспомнил о той, к которой ездил на Гутьсары. Был бы иноходец под рукой, сел бы и, крича от восторга и радости, явился бы к ней, как этот белый снег поутру... [1. С. 189].

Прощался Танабай с иноходцем говорил ему последние слова: «Ты был великим конем, Гутьсары. Ты **уносишь** с собой лучшие годы мои, Гутьсары [1. С. 248].

Потом вздохнул и сказал: Прощай, Гутьсары! **Слезы** стекали по лицу, мочили бороду. Но он не утирал их. То были **слезы** по иноходцу [1. С. 255].

Таблица 2

Текстовое ассоциативное поле

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИДИОГЛОССА						
конь		иноходец				
СЛОВА-АТТРАКТОРЫ						
бег	игра	женщина	неволя	разлука		
СЛОВА-АССОЦИАТЫ						
комета реактивный самолет полет	иноходь страсть огненный дух	время, как бег ино- ходца	аламан байге слава	руки глаза запах	аркан кишен укрук	слезы утратил унес осиротел прощание

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В художественном тексте ассоциации формируют образный смысл, раскрывают неповторимость образного видения художника слова, своеобразие его стиля. Проведенный анализ показывает, что этнокультурная идиоглосса «**конь-иноходец**» является ядром ассоциативного семантического поля в тексте, она выполняет основную роль в объективации мотива произведения.

Применение теоретических положений и методологических приемов построения и анализа ассоциативно текстового поля с центральной этнокультурной идиоглоссой «**конь-иноходец**» по повести Ч. Айтматова «Прощай, Гутьсары!» привело к реконструкции ряда микротекстовых ассоциативных полей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Айтматов Ч.Т.* (1985). Повести. Рассказы. Публицистика [Aitmatov Ch.T. Tales. Stories. Reading]. М.: Правда.

- [2] *Гачев Г.Д.* (2002). Национальные образы мира. Центральная Азия: Казахстан, Киргизия. Космос Ислама (интеллектуальные путешествия) [*Gachev G.D. National world views / Central Asia: Kazakhstan, Kyrgyzia / Space of Islam (intellectual journey)*]. М.: Издательский сервис.
- [3] *Гинзбург Е.Л.* (2000). Идиоглосса: к вопросу о выразительности контекста [*Ginsburg E.L. Idioglossa: the question of the context of expression*] // Сб. статей: Слово Достоевского / Под ред. Ю.Н. Караулова и Е.Л. Гинзбурга. М.: Ин-т рус. яз. им. В. Виноградова РАН.
- [4] *Дрожащих Н.В.* (2009). Этнокультурные смыслы в языке и тексте [*Drozhaschikh N.V. Ethno-cultural senses in language and text*] // Вестник Тюменского гос. университета. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2009. № 1. С. 227—234.
- [5] *Караулов Ю.Н.* (2001). Понятие идиоглоссы и словарь языка Достоевского [*Karaulov Yu.N. The concept of language and vocabulary idioglossy of Dostoevsky*] // Сб. статей: Слово Достоевского / Под ред. Ю.Н. Караулова и Е.Л. Гинзбурга. М.: Ин-т рус. яз. им. В. Виноградова РАН.
- [6] *Караулов Ю.Н.* (2004). Ассоциативный анализ. Новый подход и интерпретации художественного текста [*Karaulov Yu.N. Associative analysis. A new approach and interpretation of a literary text*] // «Слово Достоевского 2014. Идиостиль и картина мира». Коллективная монография. М.: Ин-т рус. яз. им. В. Виноградова РАН; М.: ЛЕКСПУС.
- [7] Словарь русского языка: в 4-х тт. (1981—1984). Т. 2: К—О [Dictionary of the Russian language: in 4 v. V. 2. K—O] // Ин-т русс. яз. АН СССР / Под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык.

ASSOCIATIVE FIELD OF ETHNO-CULTURAL IDIOGLOSSAS «HORSE-PACER» IN THE STORY «FAREWELL, GULSARY!» BY CH. AITMATOV

К.Е. Kasymalieva

Peoples' Friendship University of Russian
Miklukho-Maklay str., 10-2a, Moscow, Russia, 117198
kaira_17@mail.ru

The central concept of the article is ethno cultural idioglossias “horse-pacer”, through which an attempt is being made to reconstruct the text of the associative field as part of the author's view of the world. The material is a reconstruction of the story of Chingiz Aitmatov “Farewell, Gulsary!”.

Key words: ethno-cultural idioglossia, the author’s view of the world, an associative text field.